

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

А. Макаренко
Воспитатель
5 – 8

Н. Лейтес
П.Ф. Каптерев,
как психолог детства
9 – 18

ВОСПИТАТЕЛЬ

А. МАКАРЕНКО

Мы сегодня всё чаще задумываемся над тем, каким должен быть воспитатель, человек, от которого зависит будущее ребёнка, будущее России. Мы живём во времена наибольшей активности в образовании — реформ, проектов, инвестиций. Для доказательств соответствия переменам школой создаётся масса документов отчётности. Помогает это обстоятельство или мешает? Больше мешает. Но с другой стороны, становится и источником роста профессионального мастерства. Кто же такой воспитатель? Любой классный руководитель, наверно, уверен, что способен ответить на данный вопрос. Но вот что об этом пишет классик педагогики. Его взгляд интересен и отвечает социальным вызовам современности.

Действительно, проблема почти непедagogическая. Даже странно, что же это — в педагогике завести особый отдел о воспитателе? Да, наконец, и о воспитателе пишется немало.

Наудачу достаю с полки одну из книг по педагогике. Я могу это сделать наудачу потому, что во всех книгах по педагогике о воспитателе говорится приблизительно одно и то же. У меня в руках «Основы и практика социального воспитания» Н.Н. Иордан-

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

ского. На тех немногих страницах, которые посвящены воспитателю, повторяются о нём обычные мысли. Среди них выделяются две идеи, определяющие и направляющие с точки зрения педагогики работу воспитателя.

Прежде всего воспитательская проблема разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику. «Живое отношение» является фундаментальным камнем воспитания, без которого никакого здания нельзя построить. Воспитатель в каждый момент своей работы должен стоять перед воспитанником или перед коллективом детей с обнажённой собственной личностью, и его работа не представляется иначе как растрачивание его личности. Кратко эта позиция воспитателя характеризуется: «Воспитатель должен быть просто человеком».

Впрочем, за этой формулой меньше всего простоты. Это именно не просто человек, в простоте своей совершающий определённую работу, это человек, главным инструментом которого является его собственная человечность. Только орудия своими живыми нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребёнка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребёнка или в душах нескольких детей. Здесь вообще функционируют души («...душу воспитателя нельзя поделить»), а не реальности. В соответствии с этим и, как это обычно было принято в педагогической литературе, слово «воспитатель» ставится только в единственном числе. Иначе и быть не может при условии работы обнажённой воспитательской личности. «У педагога объект его работы — живая личность человека», — говорит Иорданский, Как это далеко стоит от самой стихии коллективного воспитания! И всё-таки это оказывается «основами социального воспитания».

Вторая идея, впрочем необходимо вытекающая из первой, — это идея подвига воспитателя.

Иорданский говорит: «Педагогическая работа — подвиг, так представляли мы её на школьной скамье. И в это старое, глубоко ценное и дорогое нам, людям прошлого, понятие хотелось бы, впрочем, внести кое-какие поправки».

Как видим, только поправки. В результате после этих поправок всё же остаётся подвиг в тех или иных формах...

Как далеки все эти мысли о воспитателе от серьёзной деловой постановки вопроса! Сердце воспитателя объявляется единственным регулятором его работы...

На каждом шагу мы встречаем личность педагога — энтузиаста, «доброе сердце» которого полно любви к самому испорченному ребёнку и который поэтому сам всегда именуется не иначе, как, любимым учителем». Атмосфера влюблённости и любви, разве это не та атмосфера, которую хотели завести в институтах благородных девиц и которую, конечно, не завели? И мы в наш век социальных революций идём даже дальше благородных девиц, добродушному сердцу педагога предоставляем право даже выбрать «по симпатии» ту область, которая делается основным фоном опыта и развития ребёнка. Спрашивается, между прочим, какой букет можно спроектировать, если, предположим, в детском доме десять воспитателей. Их добрые сердца, их личные подвиги в какие десять сторон растащат несчастный детский коллектив?..

Мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей. В этой огромной задаче нам нельзя строить свои планы в расчёте на добрые сердца, энтузиазм и пр. В нашем распоряжении имеется и будет иметься только средний воспитатель, член профессио-

А. МАКАРЕНКО
ВОСПИТАТЕЛЬ

нального союза и кооператива, обладающий обычными человеческими чертами. (Я тоже возглашаю: воспитатель — тоже человек.) Между прочими его чертами я отличаю такие: он обладает средними способностями, но интересуется наукой и литературой, политической работой...

Не ясно ли, наконец, что мы имеем право подойти к нашему делу как к производству и посмотреть на воспитателя как на рабочего, которому ввернется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но всё же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость.

Мы имеем право так поставить вопрос, но мы и обязаны его так поставить. Если нам докажут, что воспитание возможно только в меру наших упований на реагирование личности педагога и на его преждевременную героическую кончину (потому что, какова же может быть длительность жизни воспитателя, по Иорданскому, кроме как максимум 35 лет), то нам останется махнуть рукой на воспитание, мы его не сможем организовать просто за недостатком личностей, желающих «влектись на заклание». Это во-первых. Во-вторых, мы деловым образом обязаны поставить вопрос ещё и потому, что вокруг нас на каждом шагу видим детские дома и колонии, не только не наполненные сгорающими личностями и любимыми учителями, но, напротив, обслуживаемые самими — средними людьми...

И в порядке естественного приспособления к процессу производства, к его реальным условиям среди этих обыкновенных людей зарождаются организационные идеи, идут чисто производственные поиски, находятся стрем-

ления осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно и позволит им делать порученное им дело, и не потребует от них самих нечеловеческого напряжения.

Нужно подчеркнуть, что эти поиски ещё очень несовершенны, ещё очень далеки от науки. Не находится учёный ум, который бы синтезировал опыт, дал ему систему и толчок для развития. Тем более велика трудность этих большей частью бессознательных начинаний, что рядом с ними стоит признанная педагогическая наука с горящими глазами и растрёпанной шевелюрой, призывающая к чудесам. Так, как разрешается педагогическая проблема у Иорданского, мы не только не можем разрешать, но нам это, очевидно, и в голову не может прийти.

У нас проблема воспитателя выражается, конечно, в других формах. Привезли в колонию револьверный станок. Квалифицированная воспитательница спрашивает:

— Привезли револьверный станок? А что, разве мы будем револьверы делать?

Да что револьверный? Наши воспитатели не знают, что такое торговый дюйм, калькуляция, метчик, шкив, какая разница между болтом и гайкой. Воспитатели совершенно не разбираются в вопросах организации труда, они незнакомы с условиями стандартной работы, они не имеют вообще никаких мыслей и знаний, касающихся производства...

А между тем они всё-таки воспитатели в детском рабочем коллективе. Пока ребята работают в мастерских, воспитателям нечего делать, в мастерские они и заходить боятся. А когда уставшие ребята к вечеру должны, казалось бы, отдохнуть, педагоги нападут на них в полном вооружении своей науки, и тут уже ребятам пощады нет. Кого

7
Концепции
и системы

[19 — 24]

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

уговорят, кого устыдят, кого придавят при помощи дисциплины, во всяком случае, обязательно усадят на какое-нибудь заседание, а потом ещё и обижаются:

— Наши ребята ничем не интересуются. Я им читаю о феодализме, а они спят, а когда кончила, так и сон прошёл, всё моментально в саду...

Советское воспитание может быть делом только коллектива воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику в образовательном учреждении. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь к себе лично со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива.

Но что мы знаем о педагогическом коллективе? Сказано ли о нём хоть одно слово? Если нужно составить педагогический коллектив, то должен ли он состояться по формуле А, Б, С, D или по формуле А, А, В, К и почему той или другой? Чем, наконец, определяются свойства педагогического коллектива? Военные очень хорошо знают, каков должен быть состав роты или какого-нибудь штаба, инженеры тоже прекрасно знают, из кого составить ту

или иную бригаду. У нас этого ничего не знают. Кто-то, где-то, почему-то решил, что на каждые десять воспитанников должен быть один воспитатель и что он должен якобы работать 30 часов в неделю...

По этим правилам в старой Куряжской коммуне на 400 детей было 40 воспитателей. Не только дети, но и они сами не знали, как друг друга зовут. И заведующий и дети не знали, что делать с этой толпой. Дети, впрочем, нашлись: они стали их просто обкрадывать. Некоторых обокрали по два-три раза. Воспитатели перебрались в город и стали приезжать только на дежурства с небольшим саквояжем, в котором подушка и мыло. Чем были наполнены 30 часов работы этой толпы? Главная работа — заседание педсовета, месткома, общее собрание. Главные вопросы: склока, отпуск, жалованье, перегрузка, компенсация, жалоба и опять склока — Проблема воспитателя у нас находится сейчас в таком положении, что её можно характеризовать очень кратко: советского воспитательского коллектива у нас нет, мы не знаем, каким он должен быть, и мы не имеем никакого понятия, откуда он у нас возьмётся и на чьей обязанности лежит его спроектировать.